

ней комнате, где Наташу (у которой тоже «грудь белая») обучают французскому языку, заставляя «правильно» произнести «теперь» и «вместе»: «Maintenant — Мэнтэнан — Maintenant — Мэнтант — Maintenant — Мэнтэнант — Почти хорошо. Maintenant — Мэntenant. — Maintenant. — Мэнтенант. — Maintenant. — Maintenant. — Вот теперь хорошо, Наташа» (XII, 112).

В конце повести есть намек на то, что Наташа, которая прежде была «горничной» у некоей «г-жи Желтухиной», вот уже год как работает во «французском магазине». «Быть домашней служанкой и служанкой в торговле или в магазине — эти два положения очень различные», — говорит Наташа, которая тоже порвала со своим «семейством» и предпочла работу во «французском магазине» (XII, 124, 125).

Что имеет в виду Чернышевский, когда речь идет о «французских магазинах» (о них упоминается в романе «Что делать?», а затем в «Повести в повести» и «Прологе») и «русских магазинах» (XII, 156, 159) — требует специального исследования, так же, как в связи с «магазинами» — вопрос о «горничных», «швейцарах», «кухарках», «служанках в магазине», терминах, имеющих, по всей видимости, иносказательное значение в революционном подполье ²⁴.

В рассматриваемой нами Второй части «Алферьева» обучение «Наташи» (а раньше «Саши») французскому языку и разговоры о ее работе во французском «магазине» имеют непосредственное отношение к спору между молодежью — в данном случае Лизаветой Антоновной — и человеком старшего поколения — Чернышевским.

«Французские магазины», как считает Чернышевский, — плохое окружение, которое может испортить даже хороших людей (XII, 119, 122). Так, например, случилось с Борисом Константиновичем (у которого поселилась Лизавета Антоновна после ухода из своего «семейства»). Он стал «сладострастен» и все время «шалит» с Наташей или Сашей (XII, 109, 110). «Сладострастен» и сестра Лизаветы Антоновны, чем она и привлекла Бориса Константиновича. В ней самой «этого (т. е. сладострастия. — Е. Г.) совершенно нет», но в других Лизавета Антоновна «сладострастия» не порицает. По ее мнению, можно быть «сладострастным» и «держаться безукоризненно относительно условной морали, — например, быть верна мужу», т. е. «семейным» традициям или установкам, «быть и холодна и расчетлива» и «не иметь любовников», не изменять «семье» (XII, 108). Чернышевский «сладострастие» порицает. Его нет и у «жениха» Лизаветы Антоновны — человека, близкого Чернышевскому. У Чернышевского и его приятеля «другой вкус», им «нравится только выражение в лице» (XII, 109), т. е. друг Чернышевского и он сам «не сладострастен» и скорее ценят потенциальную способность к «сладострастию». Слово «сладострастный» в контексте Чернышевского имеет иносказательное значение и употреблено не в том смысле, каком его понимают сейчас. Значение слова «страсть», как пишет Б. М. Эйхенбаум, в 40-х годах XIX в. «было и шире и глубже, чем в наше: под ним подразумевались не только личные, но и гражданские чувства, ведущие к борьбе за идеалы, к подвигам» ²⁵. Именно эти качества — стремление к гражданским подвигам во имя идеала — проявляются, видимо, у Бориса Константиновича и у тех, с кем он «шалит», в наивысшей степени: они слишком «сладострастны».

²⁴ «Рукопись женского почерка» приносит Верещагину «кухарка» (XII, 155). Ответ «неизвестная» просит «передать швейцару магазина русских изделий» (XII, 156). И. С. Тургенев писал А. И. Герцену 31 января (12 февраля) 1861 г.: «Слещов был у меня... А между прочим — кухарка моя входит и подает твою записку о Трубецком и т. д. Сегодня же соберутся подробнейшие сведения — и завтра будут к тебе препровождены». *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем в 28 томах. Письма, т. IV. М. — Л., 1962, с. 195.

²⁵ *Эйхенбаум Б. М.* Статьи о Лермонтове. М. — Л., 1961, с. 258. О «любви-страсти» в смысле активного революционного действия пишет А. Серно-Содовьевич. — В кн.: Наши домашние дела, с. 33.